

Дамина Шайбакова

Университет им. Юстуса Либига (Гиссен, Германия)

РОЛЬ ЯЗЫКА В ФОРМИРОВАНИИ ИДЕНТИЧНОСТИ ГРАЖДАН В ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ (НА ПРИМЕРЕ КАЗАХСТАНА)

ВВЕДЕНИЕ

В рамках проекта Гиссенского центра исследований Восточной Европы мы изучаем проблему *Большинство или меньшинство: формирование идентичности в дискурсе о национально-языковой политике в русско-тюркских языковых сообществах*. Определение предмета исследования делает необходимым обращение к ряду понятий, формирующих идентичность. Сразу оговорим, что в дискуссии о национально-языковой политике, конечно, затрагиваются не только вопросы языка, и мы это не можем не учитывать в освещении проблемы, которая весьма актуальна для постсоветского пространства. Большая часть населения бывшего СССР все еще, по прошествии уже более чем двадцати лет, испытывает растерянность, смятение в связи с распадом государства, что стало мотивом поиска, осознанного или неосознанного, опоры в жизни, принципов существования в новом мире, в другой социальной реальности. Особую значимость осознание идентичности имеет для русского населения, враз оказавшегося «диаспорой» на территории, являющейся для многих родиной, на территории своей страны. В то время, когда титульные этносы испытывают эйфорию приобретения независимости и становления национальной идентичности на основе ценностей этнической культуры и этнического языка, русские за пределами России должны решать жизненно важные проблемы существования в новых условиях «возбужденной русофобии» (как назвал эти технологии С. Кара-Мурза). Происходит неизбежная смена идентичности при сохранении основных ее признаков – в этом парадокс ситуации, сложившейся после распада единого государства.

Идентичность русских в Казахстане рассматривается нами параллельно с формированием идентичности у титульного этноса. Это разнонаправленные явления, но это общая проблема народа Казахстана. Кроме того, для значительной части казахстанского сообщества актуальность приобретает смешанная идентичность, которую можно квалифицировать как гражданскую.

Материалом для анализа послужили публикации по проблемам идентичности специалистов и руководителей национальных центров, а также комментарии к ним на сайтах. Данные контексты взаимосвязаны, они высвечивают то, какие идеи «подхватываются», какие складываются стереотипы и в каких выражениях фиксируются. Языковые стереотипы порождают стереотипы мышления, и в этих узких рамках на протяжении многих лет обсуждается проблема, почти не обогащаясь новыми идеями, мало кто задумывается об обновлении «метаязыка» дискуссии. Между тем проблема «как слово наше отзовется» является в данной ситуации ключевой. Актуальные тексты, ключевые слова и мнения авторитетных людей формируют понимание идентичности, что закрепляется в устойчивых смыслах, сказывается на оценке ситуации и влияет на социально-психологический климат в стране.

Чтобы не утонуть в море теорий, мы сознательно используем только те идеи, которые помогают раскрыть данное понятие применительно к указанной теме. В аспекте обозначенной проблемы нас интересует роль языка, языковых средств в формировании идентичности русских и казахов. Причем не только и не столько статусная роль языка, сколько метаязык обсуждения данной проблемы – те языковые средства, которые используются для описания идентичности, то, что оказывает большое влияние на поведение диаспоры и титульного этноса.

1. ИДЕНТИЧНОСТЬ

В широком понимании идентичность – это сущность твоего я: Кто я? Откуда? Чем живу? К чему стремлюсь? Что помогает мне утвердиться в этой жизни и что мешает? И обычно к факторам идентичности относят: национальность, этничность, веру в общих предков, историю народа, общий опыт, культуру, язык, менталитет, религию, поведенческие характеристики, самоопределение, самооценку, то, что отличает от других, антропологические данные, ценностные установки, символику, образ «мы» в чужой среде и т.п. Все эти условия недостаточны для характеристики идентичности представителей русской диаспоры в постсоветских странах. Эта оппозиционная идентичность отличается от идентичности в метрополии, она в значительной степени зависит от политики новых государств, является в значительной степени протестной и проявляется в противопоставлении идентичности титульного этноса. Если в дальнем зарубежье может наблюдаться ассимиляция иммигрантов в новой культуре – сознательная, как знак отстранения от предшествующей идентичности, или вынужденная – для социализации в новой среде, то для русских ближнего зарубежья скорее характерно обратное – сопротивление ассимиляции. В этом специфика определения идентичности русских в иноэтническом окружении в постсоветских странах, это

конфронтационная идентичность, идентичность, которая организуется не традиционными факторами, а в зависимости от того, в какой сфере жизни они ощущают дискомфорт.

Противоречия в интерпретации казахстанской идентичности, нежелание языковой ассимиляции – предмет оживленной дискуссии. Ввиду разнородности русской диаспоры нет единства мнений в восприятии идентичности: одними ее представителями ценности и принципы страны проживания принимаются, другими отвергаются. Но в любом случае социализация русской диаспоры проходит в иноэтничном окружении и в отношении к языку титульного этноса. Немецкий эксперт Б. Эшмент отмечает, что русским недостает осознания собственной идентичности:

«Они должны развить собственную идентичность и признать, что они отличаются от русских в России и в чем-то близки к казахам – может быть, более, чем им самим до сих пор казалось» (Эшмент 1999).

Между тем, такая интерпретация идентичности русских идет вразрез с их установками и выводами ученых, в большинстве случаев ориентирующихся на Россию. Идентичность русских связана с групповой идентичностью диаспоры, ее часто определяют понятиями «национализм» и «этничность», которые сами по себе не имеют однозначного толкования. С. В. Лурье справедливо замечает, ссылаясь на исследования других ученых, что национализм – это политическая программа (Хобсбаум), это идеологическая система, а «под понятие «этнос» подводится то лингвистическое, то биологическое, то культурное, то политическое основание» (Лурье 1999: 101). Рассмотрим более подробно понятия национализм и этничность в отношении к идентичности.

2. НАЦИОНАЛИЗМ

Политизация вопроса об идентичности на самом деле уводит от самого понятия. Не случайно в связи с идентичностью активизировался термин *национализм*, который в советское время имел однозначно негативное толкование. Но между национализмом и языком нет прямой связи. Так, Джон Джозеф считает, что идентичность, основанная на языке, не является локусом национализма (Джозеф 2005: 46). На это указывал Э. Хобсбаум:

«Согласно Хобсбауму, дискурс национализма, в том числе заметная роль, приписываемая национальному языку, скрывает другие, более глубокие интересы, и было бы ошибкой принимать их за чистую монету»; «национальный вопрос находится в точке пересечения политики, техники и социальных процессов» (Хобсбаум 1998: 20; цит. по: Джозеф 2005: 42-43).

Он также отмечает, что воодушевление языковым национализмом исторически было свойственно низшему разряду среднего класса (Джозеф 2005: 44). Мы отчасти подтверждаем это своими наблюдениями: меньшее рвение и агрессию в дискурсе о языке проявляют люди высокообразованные.

Между тем многими исследователями подчеркивался дискурсивно-коммуникационный эффект национализма.

«Национальные идентичности, по сути, не фиксированы и не даны изначально, а во многом зависят от утверждений, которые люди делают в различных контекстах в различное время. Процессы идентичности основываются не только на этих утверждениях, но и на том, как такие утверждения принимаются, то есть получают поддержку, или отвергаются многими другими» (цит. по: Джозеф 2005:42).

В дискурсе о положении русских в Казахстане понимание национальной идентичности изложено в работах представителей славянских объединений в таких словах и выражениях, как «*возродить национальную солидарность*», «*консолидация*», «*отстаивание своих прав*». Но неискушенные граждане (в комментариях в Интернете) выражают интуитивное понимание национализма лексикой неспециальной: «*русские русским не нужны*», «*продали нас*», «*мы в России тоже чужие*», «*русским не хватает здорового национализма*», «*надо быть сильными и сплоченными*»; «*Русские стали меньшинством в Казахстане. Да и в России они тоже становятся меньшинством. Это трагедия, но, как говорится, процесс пошел, и его уже не остановить, значит, это кому-то нужно?!*». Негативизация в описании русской идентичности становится стереотипом. Примеры приведем из текстов лидера Республиканского славянского общества «Лад» Максима Крамаренко: «*Проблема русских лежит в плоскости **ослабленного чувства русской самоидентификации**... Оно, помноженное на русское вселюбие, политическую вялость и страсть к пустословию и маниловщине, и приводит к тому, что русские быстро ассимилируются, принимают чужие правила*». О русских организациях: «*Они разрознены по сути... Внутри русских организаций, к которым можно отнести и казаков, наблюдаются **разброд и шатания***»; «*русские в странах СНГ являются **разделенным народом**...*» (см.: Филатов 2011). Стандартные фразы типа «*попытка лишить нас национальной самоидентификации*», «*попытки замолчать заслуги русского народа*», «*попытка нивелировать все это пространство*» (Захаров 2010) кочуют из текста в текст и не прибавляют оптимизма тем, кто все еще их читает.

Но стереотипом для националистически настроенных граждан становится и неуважительное отношение к титульному этносу, которое эксплицируется в неполиткорректных высказываниях. Ср.: «*русские как нация имеют более высокий уровень сознания и социализации и давно переросли*

своей родоплеменной менталитет, присущий всем тюркским и кавказским этносам»; «Казахский язык не способен стать языком научно-технических знаний или информационных технологий в ближайшие 20 лет из-за неразвитых качеств самого языка» (см.: Сытник). Такого рода дискурсивный ход – это внедрение в сознание людей идей, не способствующих формированию позитивного диалога.

Понятно, что языковые требования обеих сторон являются частью политического процесса. Но сейчас русские в Казахстане не ставят главным условием идентичности язык, угрозы его существованию заметно преувеличены – так считают наши русскоязычные респонденты. Русские по-прежнему остаются монолингвами, а русский язык имеет высокий статус языка официального. В мае 2009 года агентством интегрированных маркетинговых коммуникаций Alexander&Partners был проведен опрос с целью изучения отношения русского населения г. Алматы к защите интересов русских в Казахстане и к деятельности общественных организаций соотечественников. Опрос показал, что условие сделать русский язык вторым государственным языком в республике не является главенствующим для русскоязычных граждан Казахстана: «Только 17% опрошенных считают необходимой защиту русских по языковому признаку» (Михайлов 2009). (Объективности ради следует сказать, что в 2011 году «языковая» дискуссия активизировалась, что было связано с предполагаемыми поправками к закону о языках, но потом вновь пошла на спад). Язык привычно привязывается к требованиям соблюдения прав русскоязычных. Однако подтекст может быть другой, и иногда эти смыслы эксплицируются. Так, в интервью Ю. Захарова язык признается инструментом влияния России: «оттуда, откуда уйдет русский язык, там русского влияния уже не будет. Узбекистан, Киргизия, Туркменистан тому пример. Надо беречь, развивать, тянуть к русской культуре» (Захаров 2010). Значит, не только заботой о русскоязычных казахстанцах продиктовано это требование, а и соображения геополитическими. В связи с этим приведем понимание национализма в работах Кона: «Национализм прежде всего и главным образом – это состояние ума, волевой акт, который со времен Французской революции становится все более характерным для человечества» (Kohn 2000:109). Такое состояние формируется актуальными текстами, в которых утверждаются стереотипы. Их можно изменить, благодаря актуализации других текстов и других высказываний.

Так, гражданская идентичность отмечается в высказываниях русских пользователей интернета в комментариях: «У меня русская фамилия, но я родился, вырос, встал на ноги в Казахстане. Это моя родина и здесь живет мой народ, и называется он НАРОД КАЗАХСТАНА. Когда мы все поймем истинное понятие народа, мы вообще забудем языковую проблему»; «мне здесь хорошо живется»; «Мы должны понимать, что казахи как титульная нация – нация молодая. Они получили свое государство. Мне

это родной народ, у меня жена казашка. ...Надо с пониманием относиться к таким тонким проявлениям, как национальные чувства»; «мы должны уметь говорить на государственном языке, раз живем здесь». И это те смыслы, которые должны бы быть в текстах экспертов, но, к сожалению, в проанализированном русскоязычном контенте они не маркированы. Отличную от своей же изложенной выше позиции в национальном вопросе чуть ранее представил председатель республиканского славянского движения «Лад» М. Крамаренко: *«у русских Казахстана завершается процесс растерянности и деморализации, связанный с тем, что в силу субъективных обстоятельств русские оказались разделенным народом. Выросло целое поколение русских казахстанцев в условиях суверенного Казахстана, и это заставляет их более решительно отстаивать свои права, консолидироваться именно здесь в Казахстане, не уповая на помощь из России»* (Русские в Казахстане 2009). Очень важно, чтобы позитивные, а не деструктивные смыслы продвигались и становились контекстом понимания себя в этом новом мире. Между тем сейчас в определении идентичности русских мало оптимизма, больше самоуничижительных характеристик. Это особенно заметно на фоне всеобщей поддержки казахами мер по развитию казахского языка, распространению казахской культуры, подъему национального самосознания.

Понять русский национализм поможет не только сравнение с национализмом казахским, но и с отношением к диаспоре в самой России. Оппозиция «русские в Казахстане» как диаспора и «мигранты в России», которых тоже признают диаспорой, показывает двойные стандарты в оценке идентичности и понимании национализма. В качестве примера приведем цитату из статьи доктора социологических наук И. Романова «Мультикультурализм по-русский»:

«Усиливающийся приток иммигрантов в российские регионы несет большие угрозы национальной безопасности страны. Засилье иностранцев, не признающих русскую культуру и язык, грозит потерей Россией собственной социокультурной идентичности. В подавляющем большинстве мигранты не признают русскую культуру, отказываются изучать русский язык» (Романов 2013).

Итак, национализм – это интерпретация идентичности в политическом контексте, где сам дискурс формирует стереотипы, сознание титульного этноса и представителей диаспоры. Характерно то, что национализм в дискурсе постсоветских стран имеет субъектно ориентированное толкование: применительно к титульным этносам – это возрождение национального самосознания, применительно к русским в качестве гетеростереотипа – это подчеркивание собственного превосходства и высокомерное отношение к другим этносам, с точки зрения автостереотипа – это неуверенность, смятение, разъединение.

3. ЭТНИЧНОСТЬ

Если для характеристики национализма локус языка не является определяющим, то этничность чаще связывают с единством языка. Дж. Фишман в своем определении этничности показывает преобладание поколений как ее главный признак:

«Этническая сущность передается из поколения в поколение. Это триумф над смертью в прошлом и обещание бессмертия в будущем. И язык – часть этого корпуса. ... Этнос – это все, что собрано, и все, что потеряно, и язык тоже переменная часть и частица этой сети» (Fishman 1997: 335).

Но есть и другое толкование: этничность создается мифами, потому

«этничность есть прежде всего коммуникационный ресурс, который может быть как востребован, так и не востребован в процессе социального взаимодействия... Она реальна в качестве элемента символического пространства» (Малахов 2001).

Как видим, такое понимание этничности схоже с трактовкой национализма, приведенной выше. Различием мы будем считать то, что этничность – это генеалогическая связь, это преобладание, которая, конечно, может представляться в числе прочего и мифами, а национализм – это идеология, создаваемая политическими силами. Для этничности язык – важный фактор идентификации. В дискурсе о казахах как государствообразующем этносе всегда подчеркивается определяющая роль языка, это адекватно выражено политологом Р. Кадыржановым:

«В первую очередь казахи стремятся к тому, чтобы их важнейший символ – казахский язык – распространился если не на все, то на максимально большое число социальных и культурных сфер общества» (Кадыржанов 2012).

Этничность маркируется символами. Символизм этничности, по мнению В. Малахова, проявляется на недискурсивном и дискурсивном уровне. Если применять эти измерения по отношению к Казахстану, то недискурсивный символизм как казахов, так и русских никогда не уходил и не нуждается в защите и удержании. К недискурсивным символам мы, вслед за В. Малаховым, отнесем визуальные, аудиальные, тактильные символы. Это и национальная музыка, национальная кухня, «национальная» архитектура (церкви и мечети, например), детали одежды и внешнего облика (например, форма казачества, головные платки с национальным орнаментом, вязаные в этническом стиле и т. д.) (Малахов 2001). Символика национально-культурных объединений (например, казачества) также выступает знаком идентичности. Имя как символ идентичности воспринимается в случаях переименования

географических объектов: русскими оно понимается как покушение на их историю и культуру. Это не актуально для Казахстана, но в некоторых республиках религия и ее атрибуты стали мощным фактором этнической мобилизации. В Казахстане не наблюдается притеснения по религиозному признаку, напротив, количество церквей возросло. Потому в протестном дискурсе проблемы религии упоминаются нечасто. А вот в манифестативных текстах славянских национальных объединений религия выступает символом этничности. М. Крамаренко связывает с религией идентичность вне родины: *«Нам нужно идти дальше, учиться жить вне своей Родины, возрождая в себе православную соборность и национальную солидарность»*. Обоснование этничности с акцентом на религию дает И. Романов: *«русский – это в первую очередь человек православной веры, носитель русской культуры и языка»* (Романов 2013). Между тем в комментариях в интернете мы не встретили высказываний по поводу религии, было лишь несогласие с доводом М. Крамаренко: *«Действительно нужно объединяться... Только не на основе православия. Православие всё более превращается в тоталитарную секту»*.

Помимо недискурсивных, В. Малахов выделяет дискурсивные символы. Он отмечает, что в дискурсивном производстве этничности пальма первенства принадлежит интеллектуалам. В этом дискурсе складываются этноцентристские мифы, стереотипы, образы сравнения, метафоры, воспроизводятся *этноцентристские стереотипы мышления* (Малахов 2001). Никак не соответствуют действительности утверждения представителей славянских объединений, подобные следующим: *«Как следствие исчезновения русских, исчезает и русский язык, который звучит все меньше и меньше даже с экранов телевидения»*; *«выдавливание русского языка»*; *«сужение сферы применения русского языка и нарастание ассимиляционного давления»*. Между тем эти клише подхватываются, формируются стереотипы отношения к языковой проблеме.

Итак, в понимании этничности важная роль принадлежит языку.

4. НАЦИОНАЛИЗМ И ЭТНИЧНОСТЬ НЕ РАЗЛИЧАЮТСЯ КАК МАРКЕРЫ ИДЕНТИЧНОСТИ

Наконец, укажем на такую интерпретацию идентичности, в которой не различаются понятия национализма и этничности. В апреле 2010 года на заседании Клуба Института политических решений свое видение проблемы представили казахские интеллектуалы. Приведем некоторые высказывания. *«В Казахстане на казахском языке должна прозвучать идея, объединяющая всех»* (Т. Козырев, ст. науч. сотрудник Казахстанского института стратегических исследований при Президенте РК); *«изучение казахского языка – это национальный проект для всех нас»* (А. Касенов, PR-специалист); *«Несмотря*

на то, что язык общения городских казахов русский, они не идентифицируют себя с русскими, и это не значит, что язык выражает нашу ментальность. У нас у всех сохранилась казахская ментальность. Так же как, например, вы говорили о русских в Казахстане, которые отличаются от русских в России, они – совершенно другая «народность»» (Ж. Бердалина, Президент КРМГ в Казахстане и странах Центральной Азии); «Надо сделать акцент на патриотизм. Если русский – патриот, то он в полной мере казахстанец» (М. Тайжан, Президент фонда Болатхана Тайжана) (Современные городские казахи 2010).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как убеждает обзор точек зрения на идентичность, в ее понимании нет устоявшихся критериев. Значимость актуальной ситуации, конъюнктуры момента определяет особенности дискурса, в котором часто преобладают манипулятивные речевые приемы. В изменениях нуждается сам метаязык обсуждения идентичности. Если для казахов достаточно значим недискурсивный символизм, то для русской ментальности характерен словоцентризм. На это обращают внимание специалисты. В целях устранения негативных коннотаций В. Шехов предлагает в агитационных целях заменить слово «национализм» близким ему словом «народолюбие» (Шехов 2013), о мегалингвистической стратегии возрождения русского разума рассуждает Л. А. Гореликов (Гореликов 2010). Полагаем, что дискурсивное изменение осознания идентичности возможно посредством решения ряда задач:

- 1) логических: соотнесение требований по отношению к другим этносам с таковыми по отношению к себе;
- 2) психоллингвистических: устранение речевой агрессии;
- 3) дискурсивных: актуализация новых языковых средств – нейтральных или с положительной семантикой;
- 4) политических: не муслировать языковую проблему.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Гореликов Л. А. (2010), *Русский мир в ноосферной парадигме глобального социума*, Теоретический журнал «Credo new», № 3, <http://credonew.ru/content/view/945/64/>
- Джозеф Дж. (2005), *Язык и национальная идентичность*, «Логос», № 4(49), с. 20–48.
- Захаров Ю. (2010), *Казахи без русских свое государство не построят: интервью*, <http://russkie-fond.ru/press/articles/695>
- Кадыржанов Р. (2012), *Национальная идентичность Казахстана и этнокультурный символизм*, «Мысль», 13.10.2012, <http://mysl.kz/?p=266>
- Капа-Мурза С. Г. (2007), *Демонтаж народа*, Москва, <http://www.x-libri.ru/elib/krmrz003/index.htm>

- Лурье С.В. (1999), *Национализм, этничность, культура. Категории науки и историческая практика*, «Общественные науки и современность», №4, с. 101–111.
- Малахов В. (2001), *Язык и этнический конфликт*, Москва, <http://iph.ras.ru/page52332382.htm>
- Михайлов В. П. (2009), *Общественные объединения русской диаспоры в Казахстане. Состояние и проблемы*, <http://www.materik.ru/country/detail.php?ID=7577>
- Романов И. (2013), *Мультикультурализм по-российски*, http://www.materik.ru/rubric/detail.php?ID=15908&SECTION_ID=4
- Русские в Казахстане* (2009), http://menkazak.or.kz/index.php?option=com_content&view
- Современные городские казахи: сознание ценности, установки*, (2010), <http://www.zakon.kz/170625-sovremennye-gorodskie-kazakhi-soznanie.html>
- Сытник М. *Русский вопрос в Казахстане*, <http://zapravdu.ru/content/view/128/69>
- Филатов Ю. (2011), *Русские стали меньшинством в Казахстане*, <http://www.km.ru/news/russkie-stali-menshinstvom-v-kazakhstane>
- Хобсбаум Э. (1998), *Нации и национализм. После 1780 года*, Санкт-Петербург.
- Шехов В. (2013), *Национализм: не пора ли обнулить? Спор о национализме*, <http://www.apn.ru/publications/article28119.htm>
- Эшмент Б. (1999), *Проблемы русских Казахстана – этничность или политика? «Диаспоры»*, №2-3, http://www.archipelag.ru/ru_mir/rm-diaspor/russ/russkie-kazahstana/
- Fishman J. (1997), *Language, Ethnicity and Racism*, [in:] Ed. by N. Coupland and A. Javorski, *Sociolinguistics. A reader and coursebook. Modern Linguistics Series*, Palgrave Macmillan.
- Kohn H. (2000), *The Idea of Nationalism: A Study in its Origins and Background*, New-York: Macmillan.

Damina Shaybakova

THE ROLE OF LANGUAGE IN FORMATION OF CITIZEN'S IDENTITY IN THE POST-SOVIET COUNTRIES (ON THE EXAMPLE OF KAZAKHSTAN)

(Summary)

The article considers the role of language in formation of citizen's identity in the post-Soviet countries. It deals with possibilities of identity's determination, basing on the concepts of nationalism and ethnicity on the example of Kazakhstan. The author states that nationalism is not connected directly with language, but for ethnicity it is one of the basic concepts. Language identity reveals not only from the status characteristics in the context of discourse within post-Soviet countries, but also as a way of influence on social consciousness. Finally, the paper discusses the way of how the meta-language shapes the thinking stereotype about identity.